

Парень с гитарой и девушка с характером

Побывав недавно на спектакле «А чой-то ты во фраке?» в «Школе современной пьесы» на Трубной, был поражен не только великолепным трио исполнителей (Филозов — Полищук — Качан), но и музыкой Сергея Никитина. Романсы, куплеты, трагические ариозо, терцеты, эффектные финалы. Опера да и только! И еще балет.

В вокале интонации сегодняшней песни с намеками на классику: тут и Чайковский, и Глинка с Гурилевым, и даже Моцарт, и домашнее музицирование, стилизованное под «конец века».

В своих работах для театра (и кино) Никитин находит новые мелодраматические повороты, новые образы. Хотя и прежние его песни по сей день живы: «Диалог у новогодней елки», «Бричмулла», «Когда мы были молодые», «Резиновый ежик», «Майдан», «Собака бывает кусачей», «Под музыку Вивальди», «Рио-Рита»...

Мы беседуем с Сергеем незадолго до его золотого юбилея: в начале марта ему стукнуло 50. Живим в маленькой комнатке Театра-студии Олега Табакова («мой кабинет»). Три года назад кандидат наук Никитин расстался с биофизикой и стал «завмузом» этого театра — пишет музыку к спектаклям.

— Сергей, когда ты стал профессионалом, мне хочется напомнить обстоятельства твоего

старта: 60-е годы, эпоху самостоятельной песни. Концерты шли «по вдохновению», на такие мелочи, как свет, костюм, внимания не обращали.

— Да, бытовало мнение, что авторская песня — это когда плохо видно и плохо слышно, скверная дикция и ненастроенная гитара. И обязательно свитер и мятые брюки. Тяга к авторской песне — в противовес официальной, казенной — была столь велика, что довольствовались совсем малым. Впрочем, некоторые вещи были принципиальными. Например, свитер. Он подчеркивал, что на сцене — один из «наших». Из нашего студенческо-инженерного племени. Указывал на некую социально-эстетическую принадлежность. Свитер — это Хемингуэй, Аксенов, Искандер, Фолкнер, Пастернак. Представить Визбора в золотом эстрадном пиджаке было совершенно невыносимо.

— В отличие от большинства бардов ты стихов не пишешь, а используешь уже готовые...

Когда мы были молодые...

— Прежде всего я должен полюбить стихотворение, заботясь им. Процесс это долгий, мучительный. Я уже знаю текст наизусть и пытаюсь «вытянуть» из речевой и поэтической интонации интонацию музыкальную, мелодию. Для меня большую роль во всем этом играет гитара, гармония, аккорды, мелодические контрпункты. Я работаю очень медленно. Как правило, первые варианты выглядят простовато, даже банально. А ведь в каждой песне нужен новый поворот, что-то свежее. Вот и начинаешь отбрасывать клише. Во многих случаях работа на этом стопорится. Тогда песню откладываешь. «Синий цвет», например, пролежал год. Потом я показал песню Татьяне, она сказала, что зря я забрасывал первую версию. И правда, зря.

— У тебя действительно рядом друг, партнер и умный советчик: жена! Вдвоем ведь легче...

— Да, легче... Как сказать: Татьяна всегда бьет меня за штампы, за что я ей весьма благодарен. Тексты для песен мы отбираем вместе. Хотя помогают и друзья, и поклонники, присылающие стихи, которые, по их мнению, могли бы подойти для нас.

Я говорил о мелодиях, рождающихся из речевой интонации. Есть, кстати, один замечательный автор, у которого можно многому научиться: Мусоргский! (Поет: «Жил-был король когда-то»). Это же совершенно естественная речь. Но иногда мелодии появляются независимо от стиха. Так было с песней «Переведи меня через майдан». Именно эта строчка явилась камертоном для будущей песни. Остальное долго не выстраивалось. И лишь после смерти Высоцкого я осознал, что эта песня про него. Все тут же достроилось. Я понял, что песня должна быть в народном стиле, как бы фольклорная, как у бродячих слепцов-лирников.

— Кстати, о фольклоре. Критик Станислав Рассадин остроумно заметил, что авторская песня — фольклор интеллигенции. Мир твоих поэтов — Левитавский, Самойлов, Юнна Мориц, Дмитрий Сухарев, Геннадий Шпалко. Все они — интеллигенты-шестидесятники. А что ты скажешь о другой поэзии? О Бродском, Бунимовиче, Пригове?

— Существует высокая поэзия первого ряда (Пастернак, Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Бродский...) И вот у меня ощущение, что их поэтическая ткань настолько насыщена, что композитору втиснуться в нее, добавить что-то свое трудно. Их поэзия — сама по себе музыка. У меня за двадцать лет работы получилось всего две песни на слова Пастернака, точнее, две с половиной, потому что давно бьюсь с «Гамлетом», сделал несколько вариантов, но песню так и не выпустил. То же самое с Бродским. Есть подходы, примерки, а песен нет.

Вольно перефразируя Пушкина («Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата»), скажу, что в песенной поэзии ткань должна быть прозрачной. Шекспир — прозрачен (особенно в переводах Маршака). Бродский — плотен. Пробую — из более молодых — Игоря Иртеньева. Тут трудность передать его «как бы банальность», «как бы газетность». Я пытаюсь использовать прямой ход, ввести банальные обороты (эстрадные, кабацкие, блатные), выходит плохо, неинтересно.

— Как «сделав» ваш дуэт с Татьяной? Он у

вас скорее дуэт контраста. Главный голос — и второй, побочный. Вопросы и, как это, ответы, порой иронические, меняющие смысл.

— Наш дуэт — это, используя марксистскую формулировку, единство и борьба противоположностей. Мы очень разные по темпераменту. Я — спокойный, холодноват. Она — горячая (южная натура), независима. Научить ее чему-то методом от простого к сложному совершенно невозможно. Куда там! Схватить все сразу! Так что наши версии рождаются порой в борьбе. Полагаю, песни от этого только выигрывают. У нас как бы возник театр двух актеров. Придумываю песни я, а роль Татьяны — безжалостная критика. Иногда бывает просто больно. Но в конце концов я завожусь и преодолеваю некий барьер. Злость помогает прорвать пути схемы и сделать что-то получше, пооригинальнее.

— Ты отменно владеешь гитарой. Она у тебя звучит, как говорят джазисты, со свингом, упруго, а не плоско.

— А я в молодости увлекался джазом. Даже на халтуры ходил с Лешей Зубовым в конце 50-х. Мне тогда было 16 лет.

— Любопытная деталь. Но в своих последних работах ты используешь и небольшие оркестры.

— Ну это тоже амбиции. Я как бы пытаюсь расширить круг своих потенциальных слушателей. Ведь большинство сегодня еще не произошло для настоящей, большой поэзии. Вот я и стремлюсь зацепить их краской, тембром, аранжировкой. Мы с Татьяной выступали в Сан-Ремо, где целый вечер был посвящен песням Высоцкого в исполнении итальянцев. Аранжировщики хотели передать дух Высоцкого, его драматизм. На наш взгляд, это не удалось, но сама попытка характерна: публика отвыкла от черно-белого звучания, уже не мыслит себе ничего вне многоцветия.

— Кто у вас в семье главенствует — на сцене и дома?

— Ну на сцене я (так во всяком случае мне представляется). Хотя постоянно случаются невидимые зрителю «тихие» столкновения.

— Не теши себя иллюзиями. Ваши выразительные обмены гневными взглядами и звенящим шепотом для зрителей вовсе не тайна.

— Дома всем заправляет Татьяна как человек более деловой и целеустремленный. Я, например, люблю все откладывать на потом, а она терпеть этого не может. Это очень ей помогает в ее нынешней ипостаси — замминистра культуры России.

— Прости, а каким ветром ее занесло в начальственные выси?

— Представь себе — песней! Есть у нас друзья — замечательный дуэт Алексей Иващенко и Геннадий Васильев (они говорят, что взяли за гитары под нашим влиянием). Васильев — человек серьезный, кандидат наук, географ-экономист. Он прошел (по конкурсу) на должность председателя исполкома Октябрьского райсовета. И пригласил Татьяну взять отдел культуры. Так и пошло...

— Политика — дело грязное. Не боишься за жену?

— А она человек независимый. За пост не держится.